

УДК 165.0

DOI: 10.34670/AR.2025.76.90.004

Язык как онтологическое основание гносеологической конструкции

Агафонова Ольга Васильевна

Кандидат философских наук, доцент,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Аннотация

В статье дан анализ конструктивной роли языка в процессе познания человеком мира. Актуальность темы исследования видится в необходимости переосмысления сущности языка как важнейшего элемента современной информационной культуры в рамках методологии эпистемологического конструктивизма, основанного на принципах творческой активности субъекта познания. Автором показано, что уже В. Гумбольдт понимает язык как орган, образующий мысль. Конструктивный характер речи и понимания проявляется в самом создании слова. На основе анализа идей А.А. Потебни выявлено, что дискурсивность мышления, основанная на дробности и многоуровневости языковой системы, создает мир человеческого духа. В этом проявляется конструктивное значение языка как онтогносеологической сущности, хранящей человеческое присутствие через осуществляющее указание сказа. При этом языковые символы, сформировавшиеся в результате деятельности человеческого духа, преодолевая субъективность индивидуального познания, претендуют на ценностную общезначимость. Таким образом, не физическая природа звуков, а их системное соотношение, закрепленное в языке и доступное всем его носителям, делает речь средством познания и передачи информации. Бытие обретает истину, конструктивно открывается в человеческой мысли через языковое взаимопонимание.

Для цитирования в научных исследованиях

Агафонова О. В. Язык как онтологическое основание гносеологической конструкции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 12А. С. 23-31. DOI: 10.34670/AR.2025.76.90.004

Ключевые слова

Язык, мысль, дух, бытие, речь, понятие, понимание, субъект, эпистемологический конструктивизм, истина, методология исследования.

Введение

В постиндустриальном, информационном обществе знание является не только важнейшим элементом культуры, но и производственным ресурсом. Также известно, что определяющим видом деятельности на современном этапе социокультурного развития становится сфера услуг, основанная на взаимодействии между людьми. Все это, несомненно, актуализирует роль языка как универсального способа познания человеком мира и коммуникации.

Проблема понимания сущности и происхождения языка, его взаимосвязь с мышлением и роль в человеческой культуре являлась одной из магистральных тем философии и гуманитарного знания еще с античных времен. Уже Аристотель обосновывает специфику онтологической сущности человека, прежде всего, тем, что из всех живых существ только люди наделены речью. Голос, выражающий и передающий ощущения другим существам, есть и у животных, но человек с помощью языка способен выражать и воспринимать такие общие, абстрактные понятия как польза, справедливость, добро и зло [Аристотель, 2018, 9–10]. И по сей день вопрос о познавательной роли языка, его связи с мышлением «признается сложнейшей проблемой, которая может решаться только комплексно в силу ее противоречивости и отнесенности к множеству наук о человеке» [Шафиков, 2019, 947], каждая из которых акцентирует свои аспекты проблемы. В современной гносеологии определение природы и функций языка зависит от специфики трактовки процесса познания в целом. Так, выявление значения языка представляет особый интерес в рамках эпистемологического конструктивизма, основанного на принципах творческой активности субъекта познания.

Соотношение языка и мысли

Выявить роль слова в процессе познания невозможно без анализа проблемы происхождения языка. Так, А.А. Потебня подчеркивает, что в решении данного вопроса необходимо, прежде всего, отказаться от теорий сознательного изобретения языка людьми и его божественного творения. Речь, как уже говорилось выше, определяющая превосходство людей над животным миром, через возможность коммуникации и обмен мыслями дает начало человеческому обществу. Но, по мнению исследователя, в своем изначальном природном состоянии дочеловеческие предки не могли стать создателями языка, а значит, он не должен быть признан врожденным свойством человека, в отличие от элементарных форм рассудочного мышления, существующих в виде предметных представлений уже в психике животных.

При этом сторонников теории намеренного создания Потебня критикует еще и за явное противоречие между естественной, жизненной необходимостью языка и искусственностью его изобретения через заключение договора, устанавливающего некий набор условных знаков. Источником дальнейших рассуждений для него становится, казалось бы, парадоксальный вывод о том, что «нет языка без понимания, но понимание возможно только посредством слов» [Потебня, 1989, 21]. Данный тезис заставляет философа усомниться не только в предположении о божественной природе языка, но и в теории его бессознательного происхождения, основанной, напротив, на физиологическом подходе. Так, сравнивая язык с дыханием, представители этой концепции с одной стороны, выявляют внутреннюю тождественность языка и мысли, утверждая, что слово появляется только вместе с понятием. Но, с другой стороны, они противопоставляют органическое явление слова понятию как продукту мысли или духовного воззрения. Потебня выступает против ложной дихотомии сознания и языка, а также понимания

последнего как законченного, сформировавшегося явления. Сведение грамматики к логике и отказ от исторического подхода в общей теории языка приводят исследователей к ошибочной идее о том, что мысль создает слово, не получая ничего взамен.

Выявленные противоречия в понимании гносеологической роли языка пытался преодолеть В. Гумбольдт, заслугой которого является динамическое представление о языке как совокупности речевых актов, вечной деятельности духа, делающего членораздельный звук формой выражения сознания. Но его вывод о том, что «язык есть орган образующий мысль» [Гумбольдт, 2000, 75], несомненно, ведет к новым противоречиям. Так, процесс формирования мысли как субъективная деятельность объективируется в слове, образуя понятие. Сущность языка выявляется в диалектике внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, понимания и речи. Абстрактно-логическое мышление реализуется в форме понятий, образование которых невозможно без участия слова. При этом социальный характер языка проявляется в том, что даже с учетом наличия врожденных физиологических предпосылок отдельный индивид не может освоить его без участия других людей.

В онтологической перспективе мысль, объективирующая личные ощущения в слове, возвращается субъекту, расширяя и возвышая его статус до принадлежности к общей природе единого разумного вида. Таким образом, В. Гумбольдт, намечает проблемы в исследовании языка, которые станут основой развития языкознания, да и философии в целом. Исследователь уже фактически рассматривает язык как необходимого посредника между человеком и познаваемым миром, единственную объективную бытийную данность, позволяющую через преодоление изменчивой ограниченности субъекта достичь истины. Тем самым, язык понимается не просто как коммуникативное средство передачи информации, а способ проявления фундаментальных свойств природы человека, конструктивно открывающего в своем субъективном отношении объективное знание о мире. Слово становится между человеком и физической реальностью. Язык «представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них» [Гумбольдт, 2000, 103], как результат субъективной деятельности отражает не только качества явления, но и конструктивно выражает общий познавательный опыт человеческого духа. Так, переводя на вербальную почву, мысль объективирует чувственные представления отдельных индивидов. Как самостоятельный, но созданный субъективным духом объект язык соединяет всеобщую законность своих форм и личную свободу каждый раз заново в речи и понимании. Неслучайно, внутреннее единство языка и духа возводится к высшему божественному началу.

Таким образом, не находя ничего равного языку и высказывая идею о его тождестве с духом, В. Гумбольдт, несомненно, предвосхищает «лингвистический поворот» в развитии последующей философской традиции. Казалось бы, А.А. Потебня высказывает сомнение в необходимости такого подхода, утверждая, что в языковых вопросах рано прибегать к метафизике, необходимо, прежде всего, их исследование методами конкретных наук, а «в самой мысли есть многое, не требующее языка» [Потебня, 1989, 51]. Но затем возвращается к идее предшественника о том, что без слова невозможно образование понятия из низших форм мысли, а значит, язык следует рассматривать как базовое условие появления абстрактно-логического мышления, определяющего бытийную сущность человека. В этом смысле, он безоговорочно согласен с тем, что, человеческий дух, понимаемый как сознательная деятельность ума, невозможен без языка и образуется только с его помощью. Правда, Потебня все же настаивает на том, что происхождение языка необходимо считать психологической проблемой, связанной с изучением предшествующих языку явлений душевной жизни. По его мнению, именно

Гумбольдт в рамках своей метафизической концепции положил начало психологическому подходу. Неслучайно, в нераздельно связанных друг с другом историческом и сравнительном языкознании общие законы душевной деятельности рассматривались как основа создания и функционирования языка.

Балансируя между опытной наукой и мифологией, психология выявляет общие способы анализа душевных явлений, сущность которых не исчерпывается природными закономерностями. Известно, что «язык и невещественное обозначает словами» [Потебня, 1989, 59]. Переход образа в понятие невозможен без слова, но не оно создает понятие, а, следовательно, изучая конструктивные функции языка в процессе познания необходимо выявить роль чувственных восприятий. Потебня утверждает, что чувственность животных, определяющая их уровень развития, значительно ниже, чем у человека, совершенство восприятия которого выражается в способности неутилитарного, бескорыстного наслаждения. Как известно, еще основатель эпистемологического конструктивизма И. Кант называл эту специфическую познавательную способность человека чистым суждением вкуса. Согласуя свободу воображения с закономерностями рассудка через принцип символической аналогии, чувственные созерцания доказывают объективную реальность понятий разума [Кант, 1966, с. 376]. Подобное совершенство восприятия, проявляющееся уже в детском возрасте, обосновывает исключительность человеческого духа, выражающуюся также и в способности к членораздельной речи.

Звук, слог и слово отсутствуют как фонетические элементы человеческих азбук в животном крике. Поэтому членораздельный звук в качестве физического средства передачи мысли является специфическим признаком человеческой речи, основой появления языка. Так, наблюдения за еще не освоившими язык детьми приводят Потебню к выводу, что изначально человек, как и многие животные, воспроизводил свои чувства в звуках, и, вероятно, первые слова произошли от междометий. Эта гипотеза, несомненно, исходит из необходимости признания соответствия типичных чувств определенным звукам. Но с сокращением необходимости выражения только чувств развивается связь звука и представления в целом. Звук начинает восприниматься как образ звука и по принципу подобия ассоциируется с образом предмета. Устанавливается сходство членораздельного звука и другого чувственно воспринимаемого предмета. Таким образом, конструктивный характер речи и понимания проявляется уже в самом создании слова, при котором изначальное впечатление видоизменяется, воспринимается повторно, осваивается на основе имеющегося опыта, апперцепируется.

Конструктивизм человеческого познания при этом проявляется еще и в том, что первоначально сходные восприятия различными индивидами могут быть интерпретированы, поняты абсолютно по-разному с учетом личных особенностей или субъективного жизненного опыта. Но это не означает, что целью апперцепции является само по себе видоизменение изначального представления, ведущее к заблуждению. Самые очевидные истины также, несомненно, являются не результатом простого чувственного восприятия, а следствием апперцепции, в которой исходное представление дополняется другими для конструирования новых идеально-смысловых моделей. Очевидно, что вербально закрепленный признак преобладает в процессе познания над остальными. При этом в создании новых мыслей всегда используются сильнейшие, наиболее значимые для определения сущности познаваемого явления представления, а результат познания зависит, в том числе, от организованности и широты сознания субъекта.

Не следует упрекать Потебню и в игнорировании коммуникативного характера языка. По его мнению, слово не может быть только продуктом индивидуального сознания [Байбурин, 1989, 5], необходимо его внедрение в социальную жизнь. Как уже отмечалось выше, членораздельные звуки, ассоциируясь с образом предмета, вызывают в сознании слушающего мысли о нем. Поэтому единство внутреннего смысла и звука в слове становится способом понимать содержание мысли говорящего. Язык как простейшее орудие понимания создается людьми невольно, бессознательно. При этом его величайшее онтологическое значение кроется в том, что «в слове человек находит новый для себя мир, не внешний и чуждый его душе, а уже переработанный и ассимилированный душой другого» [Потебня, 1989, 125]. Таким образом, конструктивная роль языка, связывающего новые восприятия с имеющимся запасом мысли, проявляется в способности понимать самого себя и другого, устанавливать разумную взаимосвязь между людьми.

Коммуникация диалогична, понимание допускает и непонимание, т. к. каждый акт речи творчески неповторим. Поэтому важно, что в отличие от простейших ассоциаций и слияния чувственных образов, характеризующаяся постоянной двучленностью апперцепция преодолевает пассивность восприятия впечатлений и становится их активным, конструктивным толкованием. Так, несомненно, первым актом мышления является представление как способ вхождения чувственного образа в сознание. Известно, что оно формируется на основе опыта и памяти, но также невозможно без использования слова, которое как средство выявления единой сущности чувственного образа пересоздает существующее в природе вне и до человека. Обобщая однородные восприятия, язык приходит к первооснове, субстанции вещи и осознанию смыслового ядра предмета, указующего на необходимость стремления к истине. Понятие, выраженное в языке, организует определенный порядок и систему особого, создаваемого в процессе познания человеческого бытия. При этом слово следует рассматривать не как внешнюю прибавку к душе, а в качестве глубинного свойства человеческой природы конструировать идею и определять ее место в общей онтологической структуре. Таким образом, в концепции А.А. Потебни «язык формирует мысль» [Байбурин, 1989, 6]. Базовыми категориями мышления становятся грамматические категории, взаимосвязанные в предложении, которое, в свою очередь, аналогично структуре выраженной в нем мысли. В конечном итоге, именно дискурсивность мышления, основанная на дробности и многоуровневости языковой системы, создает стройный мир духа или, говоря языком современных терминов, динамически развивающееся информационное поле, за пределы которого у человека нет выхода.

Неслучайно, по мысли Потебни, задачей исторического языкознания должно стать не только исследование этапов развития языка, но и изучение эволюции человеческого мышления. По мнению исследователя, увидеть роль языка в становлении мысли можно сопоставив его с игрой, которая присутствует и в жизни взрослого человека, но ее важность определяется еще и тем, что она значила для него в детстве.

Язык как понимание мира

Не удивительно, что сравнение языка и игры приводит в своем знаменитом трактате Й. Хейзинга. Рассматривая игру как источник и творческое начало человеческой культуры, нидерландский исследователь отмечает, что все изначальные виды человеческой деятельности связаны с игрой. Так, первым инструментом, с помощью которого человек «возвышает вещи до

сферы духа» [Хейзинга, 1992, 14], он называет язык, играючи перепрыгивающий с материального на уровень мысли. За каждым понятием скрыт образ и метафора, основанная на игре слов, в которых люди творят свое бытие, измышленный ими, отличный от природного бытия, второй мир. Таким образом, Хейзинга также выявляет конструктивное значение языка как онтогносеологической сущности. Известно, что эта концепция стала одной из наиболее актуальных в последующем развитии западноевропейской мысли и, в конечном итоге, привела к коренному переосмыслению предмета философского знания.

Так, с критическим восхищением оценивая вклад Гумбольдта в становление наук о языке, М. Хайдеггер предлагает отказаться от привычной, классической методики его рассмотрения как совокупности членораздельных звуков, в которой проявляется динамическая работа духа. Пытаясь определить свой особый «путь» к языку, философ рассматривает его наличие не как одну из рядовых способностей человека, но в качестве дара, родовой черты. Утверждая, что человек существует только в языке, Хайдеггер возвращается к аристотелевскому пониманию его онтологической роли. Но для того, чтобы понять язык как язык, следует разбить, разметить его специфическую область. Поэтому необходимо признать, что фонетико-акустическое и физиологическое истолкование звука не раскрывает сущности языка. Дать слово, сказать означает явить на свет, показать нечто миру. «Язык говорит, ...достигая... всех областей присутствия, он дает явиться или скрыться в них всему присутствующему» [Хайдеггер, 1993, 266]. Человек принадлежит языку и говорит только после того, как услышит его сказ.

Таким образом, язык нельзя рассматривать как продукт речевой деятельности. Существо языкового сказа в указывании на явленность присутствующего и неявленность отсутствующего в бытии. Собранность многосложного показывания осуществляется особлением в событии как пространстве просвета, в котором пребывает присутствующее. Событие есть предельная основа, непроемкая субстанция, изначальная онтологическая посылка, определяющая способность слышать сказ языка и принадлежать ему. Люди встроены в язык и никогда не смогут выйти из него. Как известно, Хайдеггер называет язык «домом бытия», хранящим человеческое присутствие через осуществляющее указание сказа. Неслучайно, одним из важнейших аспектов осмысления гносеологической роли языка в современной философии является его символический, знаковый характер.

Так, Э. Кассирер рассматривает язык как важнейшую из символических форм культуры, в ходе своего развития структурирующую хаос чувственных данных через наименование, вербальное выражение в мышлении. В системе языковых знаков «сам мир впечатлений приобретает совершенно новое «содержание» благодаря новой духовной артикуляции» [Кассирер, 2002, 25]. В звуках речи происходит не только обособление, фиксация, обозначение чувственных качеств, но и придание им определенного мыслимого содержания, которое возвышает человеческое бытие над непосредственностью физической реальности. Поэтому язык философ называет главным средством духа, в котором познающим субъектом конструктивно реализуется переход от элементарных ощущений к представлениям, а затем понятиям и научному мышлению. При этом языковые символы, сформировавшиеся в результате деятельности человеческого духа, преодолевая субъективность индивидуального познания, претендуют на ценностную общезначимость. Как и другие формы символической реальности, язык представляет «свои конструкции... в качестве подлинного ядра объективной «действительности» [там же, 2002, 26].

Исследуя материал литературы в своих «Лекциях по структуральной поэтике» Ю.М. Лотман отмечает, что в отличие от языка материалы других искусств, например, краска или камень

«социально индифферентны, стоят вне отношений к познанию действительности» [Лотман, 1994, 66]. Язык как семиотическая система, совокупность сигнальных знаков для передачи информации, формирует культурный динамически развивающийся код, который позволяет устанавливать значение языковых сигналов в процессе познания. При этом языковая структура не является идеальной копией действительности, а как результат интеллектуальной деятельности человека входит в вещественность звуков. Но не физическая природа, а их системное соотношение, закрепленное в языке и доступное всем его носителям, делает речь средством познания и передачи информации. Вне единого кода слушающий индивид не поймет говорящего.

Анализируя язык как горизонт герменевтической онтологии, Х.-Г. Гадамер отмечает, что сила языка превосходит содержание, к которому он применяется, т. к. его сущность выражается в бесконечном многообразии использования ограниченного набора средств. Поэтому форма языка неотделима от передающегося с помощью ее содержания. Уже Гумбольдт, преодолев догматизм грамматики, осмыслил язык как своеобразное видение мира. Язык не оснастка человека, в нем выражается мир вообще. Но язык и не существует сам по себе, его специфика определяет сущностный языковой характер человеческого бытия, предшествующий всему, что мы знаем о мире. Возможность познания, представления мира предполагает обладание языком, который становится основанием свободы, возвышающей человека над вещным миром природы. Не мир является предметом языка, но познание и высказывание «всегда уже окружено мировым горизонтом языка» [Гадамер, 1988, 520]. Так, в языковом смысле свобода есть возможность различного представления одного и того же смысла. Бытие обретает истину, конструктивно открывается в человеческой мысли через языковое взаимопонимание. Язык возвышает действительность над индивидуальным сознанием, в нем не только выражается изменчивое субъективное содержание, но и утверждаются постоянные смыслы.

Заключение

Таким образом, человеческий дух невозможен без языка и образуется только с его помощью. Конструктивный характер речи и понимания проявляется уже в самом создании слова, при котором изначальное впечатление видоизменяется, воспринимается повторно, осваивается на основе имеющегося опыта. Слово следует рассматривать в качестве глубинного свойства человеческой природы конструировать идею и определять ее место в общей онтологической структуре. Человек существует только в языке, который указывает на явленность бытия, представляет свои символические конструкции как подлинное ядро объективной действительности. Язык не оснастка человека, в нем выражается мир вообще. Возможность познания, представления мира предполагает обладание языком, который становится основанием свободы, возвышающей человека над вещным миром природы.

Библиография

1. Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2018. 320 с.
2. Байбурин А.К. Потебня: философия языка и мифа // Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 3–10.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 37–300.
5. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в шести томах. Т. 5. М.: Мысль, 1966. 564 с.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.

7. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 17–263.
8. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 623 с.
9. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 259–273.
10. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 464 с.
11. Шафиков С.Г. Язык, мышление и язык мышления // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 4. С. 947–952.

Language as the Ontological Foundation of Epistemological Construction

Ol'ga V. Agafonova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service,
160002, 2, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Abstract

The article provides an analysis of the constructive role of language in the process of human cognition of the world. The relevance of the research topic is seen in the need to reinterpret the essence of language as a crucial element of modern information culture within the framework of the methodology of epistemological constructivism, based on the principles of the creative activity of the cognizing subject. The author shows that already W. Humboldt understood language as an organ that forms thought. The constructive character of speech and understanding manifests itself in the very creation of the word. Based on the analysis of A.A. Potebnya's ideas, it is revealed that the discursiveness of thinking, founded on the fragmentation and multi-level nature of the language system, creates the world of the human spirit. This demonstrates the constructive significance of language as an onto-epistemological essence that preserves human presence through the performing indication of discourse. At the same time, linguistic symbols, formed as a result of the activity of the human spirit, overcoming the subjectivity of individual cognition, claim general validity of value. Thus, it is not the physical nature of sounds, but their systemic relationship, fixed in language and accessible to all its speakers, that makes speech a means of cognition and transmission of information. Being attains truth, constructively reveals itself in human thought through linguistic mutual understanding.

For citation

Agafonova O.V. (2025) Yazyk kak ontologicheskoye osnovaniye gnoseologicheskoy konstruktсии [Language as the Ontological Foundation of Epistemological Construction]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (12A), pp. 23-31. DOI: 10.34670/AR.2025.76.90.004

Keywords

Language, thought, spirit, being, speech, concept, understanding, subject, epistemological constructivism, truth, research methodology.

References

1. Aristotel'. (2018). *Politika* [Politics]. AST.
2. Baiburin, A. K. (1989). *Potebnya: filosofiiia iazyka i mifa* [Potebnya: Philosophy of language and myth]. In A. A. Potebnya, *Slovo i mif* [Word and myth] (pp. 3–10). Pravda.
3. Gadamer, Kh.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Truth and method: Foundations of philosophical hermeneutics]. Progress.
4. Gumbol'dt, V. (2000). *O razlichii stroeniia chelovecheskikh iazykov i ego vliiani na dukhovnoe razvitie chelovechestva* [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind]. In V. Gumbol'dt, *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Selected works on linguistics] (pp. 37–300). Progress.
5. Kant, I. (1966). *Kritika sposobnosti suzhdeniia* [Critique of the power of judgment]. In I. Kant, *Sochineniia v shesti tomakh* [Works in six volumes] (Vol. 5, pp. 161–528). Mysl'.
6. Kassirer, E. (2002). *Filosofiiia simvolicheskikh form. Tom 1. Iazyk* [Philosophy of symbolic forms. Vol. 1. Language]. Universitetskaia kniga.
7. Lotman, Iu. M. (1994). *Lektsii po struktural'noi poetike* [Lectures on structural poetics]. In Iu.M. Lotman i tartusko-moskovskaia semioticheskaiia shkola [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school] (pp. 17–263). Gnozis.
8. Potebnia, A. A. (1989). *Slovo i mif* [Word and myth]. Pravda.
9. Khaidegger, M. (1993). *Put' k iazyku* [The path to language]. In M. Khaidegger, *Vremia i bytie: Stat'i i vystupleniia* [Time and being: Articles and speeches] (pp. 259–273). Respublika.
10. Kheizinga, I. (1992). *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnia* [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. Progress; Progress-Akademiia.
11. Shafikov, S. G. (2019). *Iazyk, myshlenie i iazyk myshleniia* [Language, thinking and the language of thinking]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 24(4), 947–952.